

на. У рецензента возник только один вопрос. Не развилось ли в мордовской художественной литературе употребление причаствия в функции обособленного определения под влиянием русского языка (эрз. *паксясь, копачазь вень чоподасо* = рус. *поле, покрытое ночной мглой*) (с. 114—119)? Во всяком случае это явление не древнее финно-угорское.

<https://doi.org/10.3176/lu.1981.3.11>

Н. А. Щанкина, Грамматические средства выражения временных и пространственных отношений в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1980.

16 марта 1981 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Н. А. Щанкиной «Грамматические средства выражения временных и пространственных отношений в мордовских языках». Работа подготовлена под руководством доктора филологических наук профессора Д. В. Цыганкина. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. Лаанест (Таллин) и кандидат филологических наук А. П. Феоктистов (Москва).

Основные подтемы работы: синтаксис местных падежей, которому посвящена первая глава, послеложные конструкции как средство выражения пространственных и временных отношений (вторая глава), наречия места и времени (третья глава), глаголы движения (четвертая глава). Разработка этих вопросов необходима как для полного описания грамматической структуры современных мордовских языков, так и в интересах сравнительно-исторического финно-угроведения.

В первой главе рассматриваются падежи, при помощи которых передаются пространственные отношения (инессив, элатив, иллатив, пролатив, латив, аблатив, датив), затем те же падежи как средства выражения временных отношений. У каждого падежа автор обнаруживает много подзначений. Так, значения инессива, указывающего на место, она распределяет на семь групп.

Значения мордовских местных паде-

Жей представляют особый интерес для исследователей прибалтийско-финских языков. Система местных падежей с признаком *s* является общей для прибалтийско-финских, мордовских и марийского языков. Поскольку в прибалтийско-финских языках возникла группа внешнеместных падежей, не известная мордовским языкам, можно предположить, что сфера употребления *s*-овых падежей в мордовских языках обширнее, чем в прибалтийско-финских. Однако материал работы не показывает этого. В разделе, посвященном инессиву, встречается только один мордовский пример, которому в прибалтийско-финских языках соответствует адессив: мокш. *паксяса*, эрз. *паксясо* 'в поле' — фин. *pellolla*, эст. *põllul*. Автор отмечает, что инессив может указывать иногда и место на какой-либо поверхности, но приводит только по одному примеру из мокшанского и эрзянского языков, оба связаны со словом 'грудь': мокш. *мяшьсонза канзергодсть орденонза* 'на груди его побрякивали ордена', эрз. *мештьсэст галстуктне* 'на их груди галстуки'. В таком случае, если речь идет о месте, куда что-нибудь закрепляют, вешают, инессив употребляется и в прибалтийско-финских языках (эст. *märk rinnas* 'значок в груди', *mantel ripub varnas* 'пальто висит на вешалке').

Итак, приведенный автором материал свидетельствует о том, что в семантике мордовского и прибалтийско-финского инессива много древних общих черт. С другой стороны, все же трудно поверить, что различий между этими языками так

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

мало; по-видимому, подборка примеров слишком мала и односторонняя для отражения этих различий. Впрочем, среди примеров много падежных форм, образованных от поздних русских заимствований, что не способствует выявлению исторических отношений.

В разделе об иллативе автор выделяет и т. н. инессивную функцию этого падежа: *озавтынь аямарь чувтт монсень пирес* 'я посадил вишню на своем огороде', *атясь вирьс кадовсь эрямо* 'старик остался жить в лесу'. Употребление в таких случаях падежа на вопрос куда? свойственно и другим финно-угорским языкам. Этот факт показывает, что для полного описания значений местных падежей необходимо не только учитывать семантику имени, но и систематически рассмотреть глаголы, сочетающиеся с местными падежами.

В качестве местного падежа на вопрос куда? в мордовских языках употребляется и датив: эрз. *пачкодиль эсенектненень* 'я добрался до своих'. Из прибалтийско-финских языков датив как самостоятельный падеж известен только ливскому.

Н. А. Щанкина подробно рассматривает значения всех послелогов, при помощи которых выражаются пространственные и временные отношения. В сравнительно-историческом плане представляют интерес, между прочим, и те факты, что в связи с глаголами, имеющими значения 'остаться', 'появиться', 'остановиться', употребляются послелоги, оформленные окончанием иллатива (*бактнень эйс кадовсь ведь* 'в баках осталась вода'), а в сочетании с глаголом 'найти' — послелог в форме элатива (*шуварнять лангста мусь сон якстерь кевня* 'на песке нашел он красный камушек'). Такие же явления свойственны прибалтийско-финским языкам.

Для автора данной работы могла сослужить пользу в методологическом отношении книга R. Bartens, *Synteettiset ja analyttiset rakenteet lapin paikanilmauksissa*, Helsinki 1976. В указанном труде основное внимание обращено на соотношения между собой падежа и

послеложной конструкции: в каких случаях при выражении места падеж и послелог могут свободно варьировать, предпочитается ли одна из альтернатив или возможен только падеж либо только послелог. В исследовании Н. А. Щанкиной этот вопрос не рассматривается, а потому мы не имеем полной информации о сферах употребления местных падежей и послеложных конструкций в мордовских языках. Выяснение соотношения синтетических и аналитических конструкций представляет интерес и с точки зрения типологии.

В четвертой главе рассматриваются глаголы движения как средство выражения пространственных отношений. Интересны наблюдения автора, связанные с семантикой глаголов, выражающих движение к субъекту и от субъекта (глаголы типа фин. *mennä — tulla*). Обращается внимание и на такую особенность мордовских и многих других финно-угорских языков, как парные глаголы.

Результаты работы Н. А. Щанкиной могут быть использованы при составлении научной грамматики мордовских языков; материал по послелогам, наречиям и глаголам движения позволит уточнить значение соответствующих слов в словарях. Многие наблюдения, сделанные автором, имеют ценность с точки зрения сравнительно-исторического финно-угроведения. По всей вероятности, результаты в этой области были бы более существенны, если бы тема была уже и охватила, например, только местные падежи и соответствующие послеложные конструкции. Однако работа Н. А. Щанкиной дает нам более ясное представление о нерешенных проблемах в тех областях финно-угроведения, которых она касается. Необходимо еще глубже изучать синтаксис местных падежей мордовских и прибалтийско-финских языков и на основе не только литературных языков, но и всех диалектов; надо исследовать соотношения падежных и послеложных конструкций, систематически рассмотреть глаголы, сочетающиеся с местными падежами.

АРВО ЛААНЕСТ (Таллин)